ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

СЕРГЕЙ РОМАНОВ

ИША

Сергей Романов

Иша

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72787147
SelfPub; 2025

Аннотация

Реальная страшная история, реальное место,реальный человек. Читайте не спеша.

Сергей Романов
Иша

Посвящается моей Бабушке.

Предыстория.

«И вот я снова дома. После месячной вахты думал – теперь надолго выпаду из обоймы. Последняя вылазка была два месяца назад, и до сих пор чувствую ее горькое послевкусие. Тогда мне улыбнулась удача: я нашел старую маску, снял по-настоящему уникальные кадры… Но всё забрал случай. Флешка сломалась, и кадры растворились в цифровой пустоте.

Я возвращался на то же место, надеясь, что чудо повторится. Но места, как и люди, не любят второго визита с одними и теми же вопросами. Там уже не было той магии. Так что те обрывки плёнки, те редкие кадры, что я вам иногда показываю – это не просто везение. Это маленькая победа.

Дальнегорск – город с суровым характером, он не балует разнообразием. Но мои друзья, те самые, что ведут меня с самого начала, предложили нечто, от чего сердце зашлось. Скоро вы всё узнаете. Мы выходим на новый уровень.

Говоря всё это, я на самом деле просто хотел сказать, что соскучился. По нашим путешествиям. По вам. Сейчас за окном – трудное время, война… И если мои видео становятся для вас тем самым тихим причалом, где можно на время укрыться от шторма, – тогда я буду идти вперёд. Ради этих минут. »

Мне написала незнакомая девушка.

Её сообщение я увидел с опозданием в две недели и, конечно, сразу извинился. Ситуация там была тяжёлая. У неё умер брат, инвалид, лежачий. И после смерти… он начал мстить. Обижать тех, кто за ним ухаживал.

В доме поселилась нечисть. Она пакостила по-чёрному, методично, целенаправленно. Пытались всё – приходил священник, но не смог справиться. Приходила бабка-знахарка – и та отступила.

Я не возьмусь сказать, что смог помочь. Но пока – тишина.

Пять ночей подряд, с часу до четырёх, я провёл в её доме. С первого же вечера стало ясно: сущность, прикинувшаяся братом, ведёт свою игру. Её цель – довести женщину до отчаяния, до последней черты. И она была близка к этому.

То, что происходило там, я опишу по дням. Чтобы вы не просто узнали историю, а почувствовали кожей тот холодный ужас, что поселился рядом с этой женщиной. Она написала отчаянные письма всем, до кого могла дотянуться. В итоге разбираться с этим пришлось мне.

Начнем.

Оговорюсь сразу: имя девушки и адрес я изменю. Город у нас маленький, а ушки и языки – приличных размеров. Не хочу лишнего внимания ни для себя, ни для героини этой истории.

День первый.

Мы договорились встретиться с Анной (имя, разумеется, изменено) днем, в парке Пушкина.

Она пришла без опозданий. Передо мной сидела женщина лет тридцати, с болезненно-бледным лицом и глазами, в которых читалась беспросветная усталость. На мой вопрос, нужна ли помощь, она просто призналась, что не спит уже несколько суток.

Мы присели на лавочку. День был теплым, но в воздухе уже витал легкий, предосенний холодок. Настроение у меня было хорошее, и, кажется, за разговор мне удалось немного приободрить и Анну.

– Что у вас случилось? – спросил я.

– Случилось то, что сводит меня с ума, – выдохнула она, закуривая тонкую сигарету. Ее голос был безжизненным и плоским.

Я молча ждал, давая ей собраться с мыслями.

– Мой брат был инвалидом, – продолжила она, наконец. – Старше меня. В детстве он получил травму, перестал двигаться. Но всё понимал. Просто не мог говорить.

Анна докуривала сигарету, а ее взгляд был пустым и устремленным куда-то вдаль, будто все ее мысли витали не здесь, в парке, а там, в проклятой квартире ее детства.

– Когда я родилась, он озлобился на всю семью. Начал пакостить, отказывался есть, делал так, чтобы родители постоянно были прикованы к нему, убирали за ним.

Когда я подросла и начала что-то понимать, я пыталась к нему подойти… но он смотрел на меня с такой чистотой, бездонной злобой. Я тогда не понимала, что это ревность. Я просто чувствовала животный страх и в итоге старалась вообще не заходить в его комнату.

Так и прошли годы. Мы, по сути, даже не были знакомы. Я окончила школу, уехала в институт. Родители занимались братом. И знаете, что самое интересное? Когда я уехала, он стал менее агрессивен по отношению к ним.

Я не планировала возвращаться. Но три года назад умер отец, и мне пришлось вернуться, чтобы помогать матери.

Я прекрасно помню нашу первую встречу. Я зашла с мамой в его комнату… Он посмотрел на меня так, как смотрят на заклятого врага. Не сводил с меня глаз, абсолютно игнорируя маму. Просто пожирал меня этим ненавидящим взглядом. Мама заметила это и попыталась его успокоить. Мне даже показалось, что он всем телом дернулся от ярости.

Я сразу сказала маме, что останусь, но в его комнату больше ни ногой. Буду помогать по хозяйству.

Вечером того дня я села просматривать газеты в поисках работы. Нашла пару подходящих вакансий и легла спать. Мама ушла на ночную смену на одно из наших предприятий.

Это была моя первая ночь в квартире моего детства. Мне было спокойно, меня согревали теплые воспоминания.

Ночью я проснулась от непонятной тревоги. Показалось,

что в квартире кто-то есть. Я встала, проверила – никого, все двери, в том числе и в комнату брата, были заперты. Утром мама должна была прийти и сразу пойти к нему.

Я уже почти снова уснула, как вдруг мой сон разорвал резкий, оглушительный звук.

Включился телевизор.

Не в моей комнате, и не в зале.

В комнате брата.

Я не понимала, как это возможно. Проверить я не решилась.

Несмотря на то, что брату было уже за тридцать, он обожал смотреть детские мультики.

Именно они и зазвучали поздно ночью – дико веселые и нелепые в гробовой тишине квартиры.

Я не перебивал Анну, внимательно слушая. Внутри у меня уже складывалась картина того, что произошло дальше, и от этого становилось не по себе.

Анна продолжала, и ее голос стал глухим, будто она читала заупокойную службу по собственной жизни:

– Утром я спросила у мамы, не сломан ли телевизор в его

комнате. Она лишь улыбнулась усталой, покорной улыбкой и сказала: «Не пугайся, дочка. Электроника… с ней всякое бывает».

Она была к нему привязана, как к ребенку, и часто плакала от бессилия. Ее жизнь превратилась в день сурка: один и тот же день, похожий на предыдущий.

– Прошел год с моего возвращения. Я старалась игнорировать всё: и странные звуки, и сны, в которых он… ходил по квартире. Голый. И останавливался в дверях моей комнаты, чтобы посмотреть, как я сплю. Я списывала это на стресс, на свой подсознательный ужас перед участью, которая ждала маму – и могла ждать меня.

Потом брат умер. Естественная смерть, от осложнений болезни.

А через сорок дней, тихо, во сне, умерла и мама. Ее привязанность к нему оказалась сильнее жизни.

– В тот миг мой мир умер. Внутри всё замерло.

Я уехала к подруге во Владивосток, провела там около месяца. Постепенно пришла в себя, очерствела. Решила вернуться, поработать, продать квартиру и навсегда уехать из этого города.

По приезде я не стала заходить в его комнату. Просто оставила дверь запертой.

– Первые полгода ничего не происходило. Я жила обычной жизнью. Пока один случай не перевернул всё.

Я вернулась с работы такой измотанной, что, едва умывшись, рухнула в кровать в десять вечера, хотя обычно ложусь поздно.

Мне приснилось, что я бегу по бескрайнему полю с красивым незнакомцем. Было так легко и беззаботно… пока у меня внезапно не хлынула кровь из носа. Её было так много, что я не могла дышать. Я упала на землю, парализованная. И тогда тот мужчина вышел из-за кустов, посмотрел на меня, злорадно улыбнулся… и убежал.

Я пыталась крикнуть, но издавала только мычание. От этого звука я и проснулась.

Проснулась не в своей комнате.

Я лежала на его кровати. В его комнате.

От ужаса у меня потемнело в глазах и раскалывалась голова. Я бы никогда туда не вошла. Я бы никогда не легла на его постель. Это был страх моего детства, который к тому

моменту превратился в страх моей взрослой жизни.

– С того дня сны изменились. Теперь он приходил ко мне каждую ночь. Голый, с кожей темно-синего цвета, как у утопленника, и волосами чернее ночи.

(«Точь-в-точь джинн», – мелькнуло у меня в голове).

– Но дело в том, что сначала он приходил только во сне… а потом стал являться наяву, – Анна сделала паузу, и в ее глазах стоял чистый, немой ужас. – Мой отец умер во сне. Мать умерла во сне. Я чувствовала, что здесь какая-то связь. Но боялась в этом признаться.

Несколько месяцев такой жизни… они превратили меня в живой труп. У меня не осталось желания жить.
Я просто истощена до самого дна.

На этом Анна закончила.

Слушая её, я в который раз убеждался: подобное не приходит внезапно. У всего есть своя линия, свои корни. Видения всегда связаны с прошлым, с другими людьми и почти всегда – с накопленным негативом.

Я предложил осмотреть квартиру. Анна согласилась без

раздумий, но в её голосе сквозила безнадёга.

– Там уже побывали все, – горько сказала она. – И бабки, и попы. Становилось только хуже. Помощи ждать неоткуда.

Я не стал спорить. Нужно было всё увидеть и почувствовать самому.

Квартира оказалась самой обычной, каких много в нашем городе: прихожая, направо – кухня и санузел, прямо – две комнаты, и слева от входа – та самая комната, его комната.

Пройдясь по жилым помещениям, я не уловил ничего тревожного. Но, конечно, главной точкой был тот самый кабинет.

(Скажу сразу – я поверил ей безоговорочно. Её лицо и опустошённые глаза не могли лгать. Это была не игра, а настоящая, выжженная до пепла душа.)

Когда я переступил порог комнаты брата, меня обдало странным, тяжёлым воздухом. Запах пыли, затхлости и чего-то ещё, необъяснимого – будто окно здесь не открывали годы. Всё было чисто и прибрано: специальная кровать с медицинским матрасом, а напротив – старенький телевизор.

(«Такие и сами могут включиться, из детства помню», – мелькнула у меня мысль.)

Я не стал делиться своими ощущениями, чтобы не пугать Анну ещё больше. Мы вышли на кухню, и я попытался отвлечь её простыми, житейскими темами – от безысходности, что висела на ней тяжёлым плащом.

Мне было не по себе от её отчаяния. Перед уходом я твёрдо сказал:

– Анна, если что-то случится – что угодно, в любое время, – просто позвони. Я приеду, и мы вместе разберёмся.

Я допил чай и уехал, весь путь прокручивая в голове увиденное. Я не почувствовал в квартире ничего, кроме этого гнетущего запаха в комнате брата. Я даже начал сомневаться, искать рациональные объяснения: рыскал в интернете, читал о редких болезнях с летальным исходом во сне, которые могут передаваться генетически – уж очень подозрительно схоже умерли её родители.

Мне искренне хотелось помочь. Мне было до боли её жаль.

А потом ночью раздался звонок.

Вы, наверное, уже поняли, что полный рассказ займет несколько дней. Но я стараюсь писать так, чтобы вы чувствовали ровно то, что чувствую я.

Примерно в два часа ночи я был у ее дома. В окнах горел свет – во всех, будто квартира была освещена впустую, чтобы отогнать тьму.

Поднявшись на этаж, я постучал в дверь, испытывая смутную тревогу. В такие моменты мозг нашептывает: «Зачем тебе это? Уйди. Еще не поздно».

Анна открыла почти сразу. По ее лицу было видно – держится из последних сил. Я переступил порог, но перед этим намеренно постучал по косяку и громко спросил: «Можно войти?» Я понимал, что истинный хозяин здесь – не она.

И получил ответ. Прямо за ее спиной с вешалки упала куртка. Резко, словно ее сбросили. Совпадений не бывает. Это была реакция.

Девушка была в заложниках. У меня не осталось сомнений.

Я прошел в зал, уселся в кресло и не стал расспрашивать Анну. Вместо этого я начал молча смотреть и слушать – как дышит квартира, как она на меня реагирует. Прямо передо мной стоял старый шкаф с зеркальными дверцами, уставленный советскими тарелочками.

И что странно – было тихо. Слишком тихо.

Я уговорил Анну лечь спать. Убедил ее, что просто поси-

жу до утра. Мне отчаянно хотелось, чтобы она хоть немного выспалась. Да, это звучало странно, но мы поняли друг друга. Ситуация того требовала.

Ближе к трем я стал клевать носом. Глаза слипались, я проваливался в короткие, тягучие провалы. Взяв себя в руки, я встряхнулся, проверил Анну – она спала глубоким, почти беспамятным сном. Решил проявить наглость и пойти на кухню, поставить чай.

Выйдя в коридор, я замер.

Дверь в комнату брата была открыта. Настежь.

Вдохнув порцию адреналина, я медленно двинулся к кухне. И сделал кое-что, что категорически не советую людям со слабой психикой.

Дойдя до двери, я остановился к ней боком. И, не поворачивая головы, уставившись прямо перед собой, я увидел боковым зрением.

На белом матрасе лежал темный, расплывчатый силуэт.

Сердце выскакивало из груди. Я сделал несколько шагов назад, не сводя с пустого, казалось бы, пространства взгляда, и вернулся в комнату к Анне. В тот момент я окончательно понял: в этой квартире скопилась уйма измученной, остаточной энергии. И она была безжалостна к своей живой заложнице.

Она все так же крепко спала.

Я прикрыл за собой дверь, уселся в кресло и уткнулся в телефон, пытаясь отвлечься и успокоиться. Я точно знал, что видел. И, разумеется, не мог найти ни одной причины уйти и оставить ее одну.

Через какое-то время exhaustion взяло верх, и я уснул. Не помню момента засыпания – будто провалился в черную дыру.

А проснулся от оглушительного хлопка двери в нашей комнате и удушья. Воздух был пропитан едким, тошнотворным запахом серы и тления. Время – около четырех утра.

Вы не поверите, но запах был настолько отвратителен и… осознан. Причина была ясна. Хозяин явился.

Я не мог собраться с мыслями. Стоя посреди комнаты, я слышал только бешеный стук собственного сердца и понимал: если не возьму себя в руки ментально, эта сущность будет питаться и моим страхом, так же, как и страхом Анны.

И вот тогда я по-настоящему, кожей, почувствовал, что переживает эта девушка. И как этот страх, ночь за ночью, доводит ее до белого каления.

Я сел на край кровати, где спала Анна, и уставился в тем-

ноту соседней комнаты, дверь в которую теперь была распахнута. Я старался не думать, а слушать и чувствовать – не внутреннюю панику, а сигналы, идущие извне. Те самые тонкие изменения, на которые реагирует наша аура под чужим воздействием.

В течение следующего часа я стал слышать звуки, в точности совпадавшие с рассказами Анны. Несколько раз раздавался отчетливый звук открывания двери в комнате брата – такой, будто ее с силой дернули. Но самое леденящее душу было впереди.

Холодный ветер. Он врывался в комнату сквозняком, обдувал меня ледяным потоком… и через секунду, будто живой и разумный, отступал обратно, в темноту соседней комнаты.

Вы сидите, чувствуете, как по вам пробегает этот ледяной поток, и внутри вас зреет вопрос: «Неужели сейчас… он вернется?» И в этот самый миг он пролетает обратно.

Сомнений не оставалось. В квартире мы были не одни.

С чем именно мы имели дело, я не знал. Но понимал одно: главная проверка для меня была еще впереди.

Наступило утро. Анна действительно выспалась – синяки под глазами посветлели, а в самих глазах появилось немного жизни.

«Проспала как убитая», – сказала она.

Я, чувствуя за спиной всю тяжесть той ночи, понимал, что слово «убитая» здесь больше не было шуткой.

В окна уже бил рассвет.

На её вопрос, слышал ли я что-нибудь ночью, я коротко ответил:

– Ничего особенного.

Мыслей было много, но делиться ими сейчас – значило снова ввергать её в панику. Вместо этого я предложил вариант, который назрел у меня за эти часы.

«Сегодня я переночую в соседней комнате. Нужно проверить, будет ли реакция на мое присутствие там».

Она без возражений согласилась. В её взгляде читалось одновременно и надежда, и страх – она боялась оставаться одна, но и боялась за меня.

Я поехал домой. Мне нужно было выспаться и как следует подготовиться. Потому что следующая ночь должна была дать ответы. И я чувствовал, что они будут куда страшнее того, что я уже видел.

То, что случилось следующей ночью, нельзя понять од-

ним лишь разумом. Это нужно ощутить подсознанием – теми древними рефлексами, что прячутся где-то в глубине позвоночника. Вы можете не верить, отрицать, говорить, что этого не бывает. Но я опишу вам сигналы вашего собственного тела, когда на него начинает давить нечто абсолютно чужеродное. Я постараюсь разложить это по полочкам, до мельчайших деталей.

В ту ночь я впервые в жизни проснулся во сне.

Среди вас, возможно, есть те, кто через это проходил.

Для меня это было впервые.

И опыт оказался настолько чудовищным, что на следующее утро мне пришлось звонить одной старой женщине и, запинаясь, спрашивать: «Бабуль, что это было?»

Завтра будет продолжение. А точнее – начало того, от чего можно потерять не просто сон, а рассудок.

История – не из интернета. Вы не найдете ничего похожего. Это чистая правда и мой настоящий, оплаченный собственной психикой, мистический опыт.

Ночь вторая. Подготовка.

Хорошо выспавшись днем и переделал неотложные дела, я позвонил бабушке.

(Моя бабушка – личность известная в одном из дальневосточных регионов. Её знают как сильную ведунью).

Она была в духе, но разговор о случившемся у нас не заладился. Она тут же принялась расспрашивать, когда я приеду, скучает по внуку. Я не хотел выглядеть как тот, кто звонит только тогда, когда нужна помощь. Наш диалог соскользнул на бытовые рельсы. Я пообещал перезвонить позже и всё рассказать.

Оставшись наедине с мыслями, я пытался анализировать увиденное и ощущенное. Но во мне, как и в любом человеке, есть защитный механизм – «барьер реальности». Он включается постфактум, особенно после столкновения с необъяснимым, и охлаждает пыл, выхолащивая эмоциональную составляющую. Без нее анализ становится бесплодным, он теряет ощущение подлинности. Поэтому мне иногда приходится следовать правилу «двух шишек на лбу» – возвращаться и понимать ситуацию заново, на практике.

Иначе нельзя. Мозг и сознание хитро защищаются, замуровываясь в зоне комфорта и приглушая пережитый стресс. Это наша врожденная система психологической защиты.

Собравшись, я написал Анне. Вскоре пришел ответ: с ней всё хорошо, она на работе и впервые за долгое время действительно выспалась.

Мы договорились, что я приеду к ней вечером и, как я это назвал, «прослежу за её сном».

Я понял для себя одну важную вещь: даже одна ночь здорового сна придает ей сил. А значит, у неё есть все шансы восстановить внутренний ресурс. Ей нужно набраться энергии, чтобы найти в себе силы принять верное решение – о переезде, о квартире, о своей жизни.

Для меня же начинался новый вечер и новый опыт. Он всегда разный. Даже если приходишь в одно и то же место пять раз подряд – организм каждый раз выдаёт новую порцию адреналина. Мозг наотрез отказывается признавать мистическое, каждый раз сползая к удобному «это всё показалось».

У меня – так же. Я не супермен, не колдун. Я – вечный искатель приключений и охотник за острыми ощущениями.

Дождавшись вечера, я снова отправился в гости к Анне.

Прежде чем описать вам события второй ночи, я хочу показать одну из фотографий, сделанных Анной.

Она начала снимать для того, чтобы проверить – ей только кажется, или в тех местах, где она чувствует присутствие, действительно что-то есть. Глаз человека часто не в состоя-

нии уловить тонкую материю, а вот камера… с камерой иногда выходят совсем другие снимки.

Но у меня к вам есть одна просьба.

По вашим реакциям и комментариям я понимаю, интересна ли вам эта история, чувствуете ли вы то, что чувствую я. Поэтому, если вам нравится проводить это время в моей компании,

Я приехал к Анне около десяти вечера. Из подготовки на эту ночь я взял спальник – неизменный атрибут всех моих вылазок. Я знал, что мне предстоит спать на диване в зале, и понимал, что вряд ли удастся по-настоящему выспаться. Но чтобы создать себе хоть иллюзию комфорта и безопасности, я захватил его с собой.

В квартире было подозрительно спокойно. Не было и намека на ту опасную, гнетущую атмосферу, что висела здесь ранее. Напротив, было даже как-то по-домашнему уютно. Анна сказала, что пришла с работы за час до меня, и всё было тихо.

Мы пообщались, и я был рад видеть на ее лице улыбку – впервые за долгое время. Примерно к полуночи мы разошлись по комнатам. Ее комната была дальше по коридору, а я устроился на диване в зале. Прямо за стеной, у изголо-

вья моего импровизированного ложа, находилась комната ее брата.

Закрыв за собой дверь в комнату Анны и пожелав ей спокойной ночи, я подошел к выключателю. Отсюда открывался вид на весь коридор и на ту самую дверь.

«Ну что, погнали», – мысленно сказал я себе.

Щелчок – и я оказался в полной темноте, которую лишь скупо разбавлял свет от уличных фонарей за окном. Я на несколько секунд замер, вглядываясь в темноту коридора, а затем направился к спальнику. Я лег и какое-то время просто лежал, вслушиваясь в тишину. Она была настолько гробовой, что в ушах начал нарастать собственный внутренний гул. Примерно через полчая я неожиданно для себя уснул.

Где-то во втором часу ночи меня начала будить муха. Навязчивая, противная, она кружила прямо у головы, не давая спать. Я лежал на боку, лицом к спинке дивана, и, не открывая глаз, высунул руку из спальника, пытаясь отмахнуться от назойливого жужжания.

Во время одного из взмахов моя рука со всей силы ударила во что-то холодное и мягкое. Словно в человеческую щеку.

Я мгновенно перевернулся, сердце выскакивало из груди. Передо мной никого не было. Я схватил телефон, включил фонарь… Звук мухи исчез. Будто его и не было. Я проверил Анну – она спала в своей комнате, при свете ночника. Притворив ее дверь, я вернулся в зал, включил свет и прошел к комнате брата. Заходить внутрь я не решился – морально не был готов. Вместо этого я включил свет в коридоре, создав себе аварийный источник освещения, и вернулся в темный зал.

Сон на этот раз навалился на меня внезапно и беспробудно.

Я проснулся от того, что Анна, радостная и сияющая, будила меня словами «Доброе утро!».

– Всё хорошо! Кажется, мне больше ничего не угрожает. Я чувствую себя в полной безопасности, – бодрым голосом заявила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.